

«СТОЛЫПИНСКИЙ» ПРОЕКТ НА ДОНУ: ДОНСКОЙ ЭКОНОМИСТ И.В. ТИМОЩЕНКОВ О ПЕРЕСЕЛЕНИЯХ КАЗАКОВ И СОЗДАНИИ НОВЫХ СТАНИЦ

Н.А. Мининков

Аннотация. Известный донской экономист и член Статистического комитета Области войска Донского И.В. Тимощенко подал в 1908 г. проект. Цель его – ликвидировать нехватку земли у донских казаков в некоторых станицах. Проект имел отдельные черты, которые были близки к аграрной реформе Столыпина. Это было добровольное переселение казаков на войсковые запасные земли с созданием новых станиц и хуторов. Столыпин стремился сохранить существование помещиков, а Тимощенко – казачества. Вместе с тем проект Тимощенко имел существенное отличие от реформы Столыпина. Реформа была направлена на ликвидацию крестьянской общины и превращение крестьян в самостоятельных сельских производителей. Проект Тимощенко был, напротив, направлен на сохранение традиционной донской казачьей общины и создание новых общин из казаков-переселенцев в новых станицах и хуторах. В этом было принципиальное различие между аграрной реформой Столыпина и проектом Тимощенко. Реформа была направлена на модернизацию аграрного строя страны и имела прогрессивное значение. Проект Тимощенко предполагал консервацию сословной казачьей общины и противоречил стремлению донских крестьян расширить свое землевладение. Новая революция и Гражданская война показали, что проект Тимощенко был консервативной утопией.

Ключевые слова: проект, Столыпинская аграрная реформа, крестьянская община, казачья община, войсковые запасные земли, переселения.

Мининков Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, mininkov@aaanet.ru.

THE “STOLYPIN’S” PROJECT ON DON: DON ECONOMIST I.V. TIMOSCHENKOV OF MIGRATIONS OF THE COSSACKS AND CREATION OF NEW VILLAGES

N.A. Mininkov

Abstract. In 1908 a known Don economist and a member of the Statistics Committee of the Don Army Region I.V. Timoshenkov has presented a project. Its purpose was to eliminate the shortage of land of the Don Cossacks in some villages. The project had some features that were close to the agrarian reform of Stolypin. It was a voluntary resettlement of the Cossacks in military spare land with further creation of new villages and hamlets. Stolypin sought to preserve existence of landlords, and Timoshenkov – of Cossacks. However, the project of Timoshenkov had a significant difference from the Stolypin reforms. The Stolypin reform was aimed at eliminating peasant communities and turning peasants into independent farmers. The project of Timoshenkov was, on the contrary, aimed at preservation of traditional Cossack communities and establishing new communities of Cossack settlers in new villages and hamlets. This was the fundamental difference between the agrarian reform of Stolypin and the project of Timoshenkov. The reform was aimed at modernizing agricultural system of the country and had a progressive significance. The Timoshenkov' project involved conservation of the estates of the Cossack community and contrary to the desire of the Don peasants to expand their holdings. A new revolution and civil war showed that the project of Timoshenkov was a conservative utopia.

Keywords: Timoshenkov project, Stolypin agrarian reform, farming community, Cossack community, land army reserves, resettlements.

Столыпинская аграрная реформа была вызвана глубоким кризисом традиционного крестьянского общинного землепользования и основанного на нем хозяйства, острейшими противоречиями в деревне и массовыми крестьянскими восстаниями в период первой революции в России. Это особенно проявилось в 1906 г. Реформа была направлена на создание условий для аграрной модернизации в стране как важнейшей предпосылки ее общего развития. Также ее целью было снятие остроты социального напряжения в сельской местности, противоречий между землевладельцами-помещиками и крестьянством, страдавшим от недостатка земли. В целом ряде регионов страны, в том числе в Области войска Донского, Столыпинская реформа не осуществлялась. Объяснялось это спецификой экономической и социальной жизни в этих регионах. В полной мере это относилось и к Дону с его казачьими традициями, с особенностями войскового землевладения и землепользования, складывавшимися на протяжении долгого исторического времени. Тем не менее и на Дону был предложен проект, призванный значительно улучшить землепользование казаков, покончить с нехваткой для казаков земель, достававшихся им в качестве паевого довольствия, в некоторых своих чертах напоминавший аграрную реформу П.А. Столыпина.

Проект был составлен и обоснован известным донским экономистом и членом Статистического комитета Области войска Донского Иваном Васильевичем Тимощенковым (1844–1922). За период его деятельности в Статкомитете с 1873 г. им были проведены тщательные и глубокие статистико-экономические исследования всех станиц и станичных юртов области, некоторых крестьянских волостей, запасных войсковых земель. Им также были составлены обобщающие экономические и демографические обследования округов, на которые область делилась в административном отношении. На исходе его научной деятельности, в 1908 г., в Новочеркасске был издан сборник его трудов с этими экономическими описаниями. Издан он был крайне незначительным тиражом, без нумерации страниц. В сборнике содержалась авторская записка на пяти с небольшим страницах. В ней Тимощенков выступал с предложениями об улучшении положения казаков в связи с обеспечением их землей. Записка имела название «Положение об использовании запасных войсковых земель для нужд казаков войска Донского», и также была без нумерации страниц.

Сходство между предложениями Тимощенкова, изложенными в его записке, и аграрной реформой Столыпина заметно сразу. И если для Столыпина это был земельный дефицит русских крестьян-общинников, то для донского экономиста это был дефицит земель для казаков некоторых донских станиц, становившийся со временем все более очевидным. Вместе с тем в этом отношении исходный момент для проекта Тимощенкова имел свои особенности. Говоря о нехватке земли у казаков, Тимощенков на основании своих обследований указывал, что все это касается не всех, но только лишь некоторых станиц и их юртов. Он обращал внимание на существенные различия в земельном обеспечении разных станиц. Но он был при этом самым решительным противником такого перераспределения земель в пределах области, при которых от достаточных в земельном обеспечении станиц

земля могла бы переходить к малообеспеченным станицам. Он не допускал, чтобы на территории области были бы приняты какие-либо меры, которые могли пойти в ущерб какой-то части казачества, в том числе и той, которая была лучше других обеспечена землей.

Предложение Тимощенкова состояло в том, чтобы пустить на обеспечение казаков из станиц с нехваткой земли войсковые запасные земли, находящиеся в ведении войска Донского. Он видел при этом два способа их использования. Первый состоял в прирезке этих земель нуждающимся станицам, «хотя бы и чересполосно, за сотни верст» от самих станиц. Но в простой прирезке запасных земель к находящимся далеко от них станичным юртам Тимощенков видел целый ряд неудобств. Он указывал, что ввиду значительного расстояния до станиц такие земли, полученные казаками, будут часто сдаваться в аренду иногородним, которые впоследствии «образуют там целые поселения, и в будущем создадут большие затруднения к выселению их». В самом деле, эти полученные казаками земли могли отстоять от станицы на десятки верст, и даже на расстояние более сотни верст. Тимощенков, таким образом, выступал решительно против расширения практики аренды казачьих земель иногородними как нового на Дону элемента, считая необходимым сохранить земельный фонд в руках казачества. Он вообще подчеркивал, что практика аренды земель имеет нередко негативные последствия для хозяйственной деятельности и для самой земли не только на Дону, но и на всем Юго-Востоке европейской части России. На эту тему он очень ярко писал в своем бытовом очерке «Борьба с земельным хищничеством», опубликованном в 1886 г. в литературном и общественно-политическом журнале либерального направления «Новь» [Тимощенков, 1886]. Несомненно, что в сознании Тимощенкова проявлялось также характерное для казачества беспокойство по поводу распространения на Дону пришлого элемента, который и составляли так называемые иногородние крестьяне, поселявшиеся на территории области. Он, как это видно из записки, допускал саму возможность выселения каких-то групп иногородних из области. Им озвучивалась тем самым идея, популярная среди определенной части казачества, которая соответствовала лозунгу «Дон – для донцов» [Корниенко, 2013, с. 93]. Кроме того, переселение на чересполосные земли, расположенные далеко от станиц, создавало бы, как он подчеркивал, затруднение для казаков в исполнении ими «войсковых и общественных повинностей», которые они выполняли как жители своих станиц.

Тимощенков выступал за другой способ решения обострившегося аграрного вопроса на Дону, состоявший в основании новых станиц и в создании новых юртов. Это составляет еще одну черту сходства между проектом донского экономиста и реформой Столыпина, поскольку в ходе реформы государство проводило переселение крестьян в Сибирь на добровольной основе и наделяло их удобной для ведения хозяйства землей и угодьями в необходимом для полноценной хозяйственной деятельности количестве. Впрочем, такой способ начинал использоваться в войске Донском еще со второй половины XIX в., когда стали создаваться новые станицы [Б[огачев] В., 1919, с. 453, 479, 494; Скорик, 2015, с. 29–30].

Предоставление крестьянам-переселенцам разнообразных льгот и их финансовая поддержка составляли важную черту Столыпинской аграрной реформы. Тимощенко также предлагал предоставить казакам-переселенцам определенные льготы по службе и по отбыванию регулярных лагерных сборов, которые было положено отбывать казаку. При этом, если казак воспользовался такой льготой, но не переселился, Тимощенко считал необходимым привлекать такого казака к ответственности с дальнейшим отбыванием им полного срока военной службы. Им делались также конкретные предложения по переселению казаков на запасные земли, с основанием новых хуторских обществ в пределах станичных юртов, с расчетом от тридцати до ста дворов в хуторе, расположенном желательнее в середине земельного надела. Кроме того, им предлагалось предусмотреть в пределах вновь отводимых станичных юртов участки табунного отвода, церковные участки и школьные усадьбы, что было необходимо для создания во вновь образованных хуторах жилой инфраструктуры. Предоставление льгот добровольным переселенцам также составляло черту сходства между реформой Столыпина и проектом Тимощенко.

Наконец, заметна еще одна, последняя, и очень существенная черта сходства между Столыпинской аграрной реформой и проектом Тимощенко. При всем своем стремлении к реформе и премьер-министр России, и донской экономист были в определенной степени консерваторами. Они выступали в защиту того общественного класса, к которому принадлежали. Для Столыпина это было дворянство, для Тимощенко – казачество. Так, Столыпин делал все возможное для сохранения помещичьего землевладения во внутренней России. Для Тимощенко необходимость сохранения казачьего уклада также не подлежала сомнению. В своих экономических обследованиях он немало говорил об упадке традиционного казачьего хозяйства, об экономических трудностях, которые возникали для казаков в условиях развития рыночных отношений. Но историческая необходимость сохранения казачества была для него несомненной. Сама мысль о «расказачивании», которая появилась еще в ходе буржуазных реформ при Александре II, была для него неприемлема.

Можно в этой связи сказать, что оба нисколько не выступали против такого остатка старины для XX в., как сословия и сословный строй, в котором существовало разделение между помещиками и крестьянами, между казаками и мужиками-иногородними.

При этом, однако, во взглядах Столыпина и Тимощенко на положение в аграрном секторе, на саму общественную структуру, было существенное различие. Заключалось оно в отношении к общине. Премьер-министр был решительным ее противником, а разрушение общины стало краеугольным камнем всей Столыпинской аграрной реформы. Это для него было не случайно. Как помещик и предводитель дворянства Ковенской губернии, он хорошо знал, что у литовских крестьян общины не было, в отличие от крестьян русских, а хозяйственные результаты были лучше, чем в русских уездах. Жизненный уровень крестьян в Литве был

также выше, чем во внутренней России. Общину Столыпин считал важнейшим тормозом развития аграрного сектора в хозяйстве страны, в ее ликвидации он видел важнейшую предпосылку прогресса сельского хозяйства страны, дальнейшего развития России. Не общинника, но самостоятельного сельского товаропроизводителя желал видеть в русском крестьянине премьер-реформатор. Это было несомненной прогрессивной стороной его воззрений на аграрный строй русской деревни. Совершенно очевидно, что, в отличие от Столыпина, Тимощенко был твердым сторонником сохранения общины, только речь у него шла не о крестьянской общине, но о традиционной казачьей общине, которую составляли хутора, входившие в состав станичных юртов. Поэтому его предложения об организации новых станиц на запасных войсковых землях и хуторов в пределах юртов этих станиц означали не что иное, как воспроизводство в новых условиях разворачивавшейся в стране модернизации традиционного общинного строя донских казаков, существовавшего столетиями. В этом отношении по сравнению со Столыпиным Тимощенко выступал консерватором. Тем более, что в пореформенный период, как справедливо указывал И. А. Ревин, «все больше стали проявляться частнособственнические интересы казаков, выражавшиеся в желании избавиться от общественного контроля за землепользованием» [Ревин, 2008, с. 193], что противоречило стремлению Тимощенко к сохранению казачьей общины.

Между тем, в своем отношении к донской казачьей общине проект Тимощенко заключал в себе несомненное противоречие. Так, в целом ряде своих публикаций с экономическим анализом хозяйства донских станиц он не раз указывал, насколько тяжелым было состояние казачьего хозяйства с его общинными традициями. Тем не менее его предложение сохранить казачью общину с ее порядками и традициями в новых станичных юртах, к созданию которых он призывал, было для него не случайным. Как твердый сторонник сохранения казачества, экономист понимал, что отход от общины, которую представляло собой всякое казачье поселение на Дону или в пределах других казачьих войск, означало бы ломку казачества в целом, чего он допустить категорически не хотел. Отсюда и его стремление к сохранению казачьей общины на Дону и к воспроизводству ее на новых территориях.

И, наконец, еще одной общей чертой между Столыпинской аграрной реформой и проектом Тимощенко был их конечный результат. Действительно, по условиям реформы в России появились крепкие крестьянские хозяйства, за период экономического подъема 1909–1913 гг. собирались высокие урожаи, укрепился социальный слой зажиточных сельских хозяев. На Дону также продолжалась практика образования новых казачьих станиц. Вместе с тем и реформа, и проект не смогли предотвратить новой революции в России и ликвидации вместе с ней как дворянского, так и казачьего сословия. Столыпинская реформа не могла преодолеть противоречий между помещиками и крестьянами в России, и никакая переселенческая политика, которой уделялось в ходе реформы столь значительное внимание, не могла заставить крестьян отказаться от своей исторической мечты о вольной жизни на вольной земле, без помещиков и помещичьего землевладения. Проект Тимощенко также не учитывал всей остроты внутренних противоречий на

Дону, недовольства крестьян, как коренных, так и иногородних, особыми правами на землю и сословными привилегиями казачества. В проекте Тимощенкова совершенно не затрагивался крестьянский вопрос на Дону, наличие которого признавал в то время даже такой сторонник консервативных устоев казачества, как донской писатель и публицист Е.П. Савельев [Савельев, 1917]. Все это делало проект донского экономиста утопическим. Последовавшая почти через десять лет революция, в ходе которой земельный вопрос стал на Дону важнейшим, разделявшим крестьян и казаков, наглядно показала, что стремление решить земельный вопрос без учета нужд и потребностей крестьянства не может быть успешным.

Главное же различие между Столыпинской аграрной реформой и проектом донского экономиста Тимощенкова заключалось в том, что важнейшие цели их принципиально расходились. Сходство между ними было лишь по форме, а различие – по их социальной сущности. Реформа П.А. Столыпина открывала путь для буржуазного развития деревни, была направлена на снятие такой перегородки для этого, как русская крестьянская община, на то, чтобы «освободить многомиллионное крестьянство от традиционных общинных пут» [Пожилайло, Шелохаев, 2005, с. 60]. Поэтому она была по сути своей прогрессивной и означала новый шаг на пути буржуазного развития деревни, делавшийся русским правительством. Проект Тимощенкова был направлен на закрепление феодального в своей основе принципа получения права на землю за службу, прежде всего за военную службу, на котором основывались отношения с самодержавием войска Донского и всех казачьих войск Российской империи. Но для XX в. подобный порядок заключал в себе явный анахронизм. Проявлением его и был упадок казачьего хозяйства на рубеже XIX–XX вв., основанного на осуществлении казаками своего исторического права на пользование за службу земельным паем, что очень хорошо показал сам И.В. Тимощенков в своих экономических обследованиях донских станиц и округов Области войска Донского. Последовавшая вскоре новая революция в России и Гражданская война ясно показали невозможность сохранения сословного землепользования и сословных привилегий казачества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Б[огачев] В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск: Изд. Отд. Нар. Просв. Всевеликого Войска Донского, 1919. 520 с.

Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 228 с.

Пожилайло П.А., Шелохаев В.В. Петр Аркадьевич Столыпин: Интеллект и воля. М.: РОССПЭН, 2005. 237 с.

Ревин И.А. Поземельные отношения и межевание юртовых земель на Дону (XVII–начало XX в.) // *Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей.* Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 185–195.

Савельев Е. П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьем: Историко-статистический очерк. Новочеркасск: Донская епархиальная типография, 1917. 79 с.

Скорик А. П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск: Лик, 2015. 1184 с.

Тимошенко И. В. Борьба с земельным хищничеством (Бытовой очерк Юго-Востока России) // *Новь. Общественный иллюстрированный двухнедельный вестник современной жизни литературы, науки, искусства и прикладных знаний*. СПб.; М., 1886. Т. 11. № 19. Л. 180–195; 1886. Т. 11. № 20. С. 250–265; 1886. Т. 12. № 21. С. 28–40; 1886. Т. 12. № 22. С. 111–120.

REFERENCES

B[ogachov] V. *Oчерki geografii Vsevelikogo Vojska Donskogo* [Essays on Geography Grand Don Army]. Novocherkassk: Izd. Otd. Nar. Prosv. Vsevelikogo Vojska Donskogo, 1919. 520 p. (in Russian).

Kornienko B. S. *Pravyy Don: kasaki i ideologija natsionalizmsa (1909–1914)* [Right Don: Cossacks and the ideology of nationalism (1909–1914)]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 228 p. (in Russian).

Poshigajlo P. A., Shelohajev V. V. *Petr Arkadjevich Stolypin: Intellekt i volja* [Pyotr Stolypin: The intellect and the will]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005. 237 p. (in Russian).

Revin I. A. *Posemelnye otnoshenija i meshevanie jurtovyh semel na Donu (XVIII – nachalo XX v.)* [Land relations and land surveying yurt on Don (XVII – beginning of XX century)], in: *Kasachestvo Rossii: proshloje i nastojashee. Sbornik nauchnyh statej* [The Cossacks of Russia: Past and Present. Collected articles]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publ., 2008. P. 185–195 (in Russian).

Saveljev E. P. *Krestjanskij vopros na Donu v svjasi s kasachjim. Istoriko-statisticheskij oчерk* [The peasant question on the Don in connection with the Cossack: Historical and statistical sketch]. Novocherkassk: Donskaya yeparkhial'naya tipografiya, 1917. 79 p. (in Russian).

Skorik A. P. *Milutinskij kasachij yurt: opyt istoricheskoy rekonstruktsiji* [Milutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocherkassk: Lik Publ., 2015. 1184 p. (in Russian).

Timoshenkov I. V. *Borba s zemelnym hishinchestvom (Bytovoj oчерk Jugo-Wostoka Rossii)* [Combating land predation (Household essay South-East of Russia)], in: *Nov'. Onshestvennyj illustrirovannyj dvuhnedelnyj vestnik sovremennoj shisni literatury, nauki, iskusstva i prikladnyh snanij*. Saint Petersburg; Moscow, 1886. Vol. 11. № 19. P. 180–195; 1886. Vol. 11. № 20. P. 250–265; 1886. Vol. 12. № 21. P. 28–40; 1886. Vol. 12. № 22. P. 111–120 (in Russian).